

Научная статья
УДК 008:316.7:7.01

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧУВСТВ: ОТ СТРАСТИ К ТРЕВОГЕ. КРАСНЫЙ ЦВЕТ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ XXI ВЕКА

Анна Валерьевна Березина

Уральский государственный лесотехнический университет,
Екатеринбург, Россия
berezinaav@m.usfeu.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформация символического значения красного цвета в российской культурной памяти XXI века: от героической страсти к тревожности, страху и агрессии. Цвет рассматривается как индикатор цивилизационных сдвигов в общественном восприятии и эмоциональной чувствительности эпохи.

Ключевые слова: красный цвет, культурная память, символика, тревога, визуальная культура

Для цитирования: Березина А. В. Символическая трансформация чувств: от страсти к тревоге. Красный цвет в российской культурной памяти XXI века // Цивилизационные перемены в России = Civilizational changes in Russia : материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург : УГЛТУ, 2025. С. 22–28.

Original article

SYMBOLIC TRANSFORMATION OF FEELINGS: FROM PASSION TO ANXIETY. THE COLOUR RED IN RUSSIAN CULTURAL MEMORY OF THE 21st CENTURY

Anna V. Berezina

Ural State Forest Engineering University, Ekaterinburg, Russia
berezinaav@m.usfeu.ru

Abstract. The article examines the transformation of the symbolic meaning of the colour red in Russian cultural memory of the 21st century: from heroic passion to anxiety, fear, and aggression. Red colour is considered as an indicator of civilizational shifts in public perception and the emotional sensibility of the era.

Keywords: red colour, cultural memory, symbolism, anxiety, visual culture

For citation: Berezina A. V. (2025) Simvolicheskaya transformaciya chuvstv: ot strasti k trevoge. Krasnyj cvet v rossijskoj kul'turnoj pamyati XXI veka [Symbolic transformation of feelings: from passion to anxiety. The colour red in Russian cultural memory of the 21st century]. Civilizacionnye peremeny v Rossii [Civilization changes in Russia] : proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg : USFEU, 2025. P. 22–28. (In Russ).

Цвет – один из самых устойчивых и в то же время подвижных культурных символов. Он не просто сопровождает визуальные образы, но и активно участвует в формировании эмоционального и идеологического опыта общества. Среди всех цветов красный занимает в российской культурной традиции особое, почти сакральное положение: от церковных знамен и крови мучеников до революционного флага, символизирующего борьбу, героизм и коллективную страсть. В течение XX века красный закрепился как цвет победы, жертвы, патриотизма, определяя эмоциональный строй таких ключевых событий, как Октябрьская революция, Великая Отечественная война и торжество советской эпохи.

Однако в XXI веке происходит резкая трансформация символического значения красного. В массовом восприятии и визуальной культуре он все чаще воспринимается как знак опасности, тревоги, насилия и пропаганды. Красный, ранее связанный с порывом, героикой и единством, все чаще маркирует разлом, страх, агрессию и отчуждение. Эта смена эмоционального регистра отражает более широкие цивилизационные перемены в российском обществе. Цель настоящего исследования – проследить, как трансформируется символическое и эмоциональное значение красного цвета в культурной памяти современной России, и как эта трансформация отражает цивилизационные сдвиги в восприятии прошлого, настоящего и будущего.

Цветовые коды являются не только частью визуальной среды, но и носителями коллективной эмоциональности. Изменения в трактовке красного цвета свидетельствуют о глубинной трансформации чувственного опыта, которая затрагивает не только искусство и медиа, но и политику памяти, язык протеста и стратегию идеологического воздействия. Анализ этой трансформации позволяет глубже понять, как меняется культурная чувствительность российского общества в XXI веке.

Тема символики цвета широко представлена в историко-культурных, психологических и семиотических исследованиях. Особую значимость имеют работы Мишеля Пастуро, где прослеживается историческая эволюция красного цвета в европейской культуре, а также исследования психологии цвета М. Люшер, Р. Аргайл, в которых красный связывается с возбуждением, агрессией и доминированием.

В российском контексте анализ красного встречается в работах по советской символике и культуре памяти – например, у А. Эткинда («Кривое

горе»), Н. Эппле («Неудобное прошлое»), а также в культурологических исследованиях С. Ушакина, А. Липовецкого и др., изучающих постсоветскую визуальность. Вместе с тем целенаправленного анализа трансформации красного цвета как эмоционального маркера в XXI веке в России пока не представлено. Настоящая статья стремится восполнить этот пробел, соединив визуально-семиотический подход с анализом культурной памяти и эмоциональной истории.

В историческом контексте XX века красный цвет прочно закрепился как символ героизма, страсти и торжественного единения. Его насыщенное эмоциональное значение формировалось в ключевых культурно-политических событиях России, начиная с революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны. Красный флаг, красная звезда, красноармеец – все это стало знаками не только классовой борьбы, но и нового символического порядка, в котором цвет играл роль мобилизующего кода.

Как отмечает Мишель Пастуро, красный – это цвет, связывающий кровь и власть, страсть и ритуал [1]. В советской культуре он утвердился как «официальный цвет истории» (по выражению Б. Успенского), оформившись в политическом визуальном каноне, где красный маркировал победу, преданность и готовность к самопожертвованию. Победа в Великой Отечественной войне усилила этот символизм: красное знамя, водруженное над Рейхстагом, стало не только иконой триумфа, но и эмблемой памяти, увековеченной в ритуалах – от красной гвоздики на параде до алых лент на школьных линейках.

Советский кинематограф активно участвовал в тиражировании этой эмоциональной палитры. Фильмы «Офицеры» (1971) или «Зорька алая» (1974) строили героический нарратив, в котором красный цвет ассоциировался с честью, долгом, верностью. Его использование в кадре – будь то пионерский галстук или зарево заката – акцентировало эмоциональную кульминацию, поднимая индивидуальную судьбу до уровня коллективного подвига.

Красный выступал как универсальный код идеологического торжества. Он обозначал «правильное» чувство: гордость за страну, горение во имя общего дела, принадлежность к истории. В визуальном искусстве, как отмечается в исследовании о советской пропаганде, именно красный формировал «общее пространство радости и силы» [2].

Таким образом, в советскую эпоху красный функционировал как синестезийный и ритуализированный символ: он не только виделся, но и чувствовался – как энергия эпохи, объединяющая визуальное, эмоциональное и политическое в едином культурном коде.

С распадом СССР в 1991 году красный цвет утрачивает прежнюю символическую стабильность. Вместо героико-торжественного звучания он начинает восприниматься как знак утраты, агрессии и социальной нестабильности. Этот переход отражает более широкий кризис идентичности,

в котором прежние эмоциональные коды больше не вызывают доверия и перестают функционировать как средства мобилизации.

В 1990-2000-е годы в общественном сознании красный все чаще ассоциируется с опасностью, насилием и страхом. Всплески террористической активности (взрывы в жилых домах, конфликт в Чечне), рост преступности, уличное насилие и теленовости с красной плашкой «Срочно» закрепляют за цветом тревожную и угрожающую коннотацию. Психологические исследования подтверждают этот сдвиг: красный все чаще вызывает ассоциации не с подвигом, а с агрессией, возбуждением, тревогой [3, 4].

В языке и культуре появляется новая риторика. Красный становится языком тревоги: «красная кнопка», «красная зона», «красный уровень опасности» – все это закрепляет значение угрозы. В массовой культуре появляются художественные образы, усиливающие эмоциональную дестабилизацию: с одной стороны – эстетика постапокалипсиса и распада, с другой – попытки отыграть «советскую ностальгию» в рекламных и телевизионных форматах, где красный становится лишь стилизованным отголоском прошлого.

Как отмечает Николай Эппле, новая визуальность постсоветской России связана с попыткой осмыслить «неудобное прошлое», включая его цветовые коды. В этом контексте красный уже не объединяет, а вызывает амбивалентные чувства – от тоски до страха, от попытки реконструкции к отказу [5].

Таким образом, в постсоветский период красный цвет проходит через фазу семиотического разлома: из устойчивого кода идеологического величия он превращается в подвижный и тревожный маркер социальной неуверенности. Его использование в медиа, искусстве и политике свидетельствует о более глубокой трансформации культурного восприятия эмоций и коллективной памяти в современной России.

В XXI веке символика красного цвета приобретает все более тревожный и агрессивный характер. Эта трансформация особенно ярко проявляется в политическом и медиавизуальном дискурсе, где красный цвет теряет остатки своего праздничного и героического значения, становясь маркером страха, угрозы и манипуляции массовым сознанием.

В политическом поле красный используется в визуальной риторике, направленной на мобилизацию через запугивание. Плакаты, баннеры, визуальные оформления митингов часто содержат насыщенные красные фоны и текстовые элементы, способные вызывать ощущение надвигающейся опасности. Особенно ярко это проявилось в последние годы. Красный в этих контекстах выполняет функцию «визуального алармизма», то есть средства эмоционального воздействия через цвет. Как отмечает М. Голубева, «в современном медиапространстве цвет становится оружием быстрой эмоциональной реакции» [3].

Современная символика часто сопровождается красными или черно-красными цветами, накладываемыми на лица солдат, детей, иконографию Победы. Это цветовое воздействие формирует новую эмоциональную палитру. Как пишет Н. Эппле, цвет становится частью «новой мемориальной войны», где борьба за интерпретацию прошлого превращается в оружие настоящего [5].

Протестные формы также осмысляют красный цвет как тревожный сигнал. Использование «кровавой» краски, имитации крови на плакатах и телах протестующих, визуальные перформансы с красными фонтанами, следами, лентами – все это обращается к ассоциативной связи красного с болью и насилием. Примером может служить акция художника Петра Павленского «Угроза» на Красной площади, где визуальный шок создается через минимализм и экстремальность образа. П. Павленский прямо эксплуатирует культурное ядро красного как цвета боли и страха, подчеркивая его постгероическое звучание в современной России.

Масс-медиа и реклама также эксплуатируют красный как цвет тревоги. Красные плашки «СРОЧНО», «ТРАГЕДИЯ», экстренные сообщения – все это стало нормой визуального оформления новостей, как на федеральных каналах, так и в телеграм-лентах. Как подчеркивает Юстина Йонаускайте и ее соавторы, красный устойчиво ассоциируется с эмоциями высокой возбудимости, такими как гнев, страх и срочность, во многих культурах [6]. Современные реалии лишь подтверждают это наблюдение: красный активно используется для формирования перманентного состояния тревожности в обществе.

Лингвистические и психологические данные также подтверждают этот сдвиг. В исследовании Грибер и Милонаса отмечено, что в молодежной выборке красный все чаще связывается с агрессией, протестом, напряжением и отчуждением, в то время как старшее поколение сохраняет отголоски прежней «патриотической героики» [4]. Таким образом, мы наблюдаем интергенерационный разрыв в восприятии цвета, символизирующий культурную и политическую фрагментацию.

Современное искусство, как визуальное, так и театральное, фиксирует красный в тревожной оптике. Работы уличных художников, арт-инсталляции в городских пространствах, акции художников в публичных местах – все это демонстрирует, как красный становится средством высказывания боли, подавленности, протеста.

Трансформация символического значения красного цвета в российской культуре XXI века не является исключительно визуальным или политическим феноменом. Речь идет о более глубоком процессе – **смене эмоциональной матрицы эпохи**, в которой коллективная страсть уступает место тревоге, уязвимости и фрагментарности идентичности. Этот сдвиг фиксируется как в повседневной визуальности, так и в языке, медиа, искусстве и протестных практиках.

Цвет – не просто физическая характеристика, но **знак, нагруженный культурным и эмоциональным содержанием**. Как подчеркивает Мишель Пастуро, «цвет – это социальный факт», и его значение всегда зависит от контекста восприятия [1].

Как отмечает С. Ушакин, постсоветское общество переживает «разгерметизацию памяти», в которой символы прошлого (в том числе цветовые) лишаются прежней нормативной функции и становятся источником напряжения, игры или травмы. Красный теряет универсальность и становится объектом спора между памятью и протестом, между героизацией и травматизацией.

Лингвистические исследования также подтверждают этот сдвиг. В статье «*О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании*» отмечается рост негативной эмоциональной ассоциативности красного цвета: его связывают с гневом, раздражением, агрессией, тревогой. Это отражает не только смену лексических шаблонов, но и **изменение эмоционального климата общества**.

Таким образом, красный в современной российской культуре – это не просто цвет. Это **симптом и носитель чувств**, прошедших путь от вдохновенного коллективного переживания к тревожному и индивидуализированному состоянию. Его новая символика указывает на **цивилизационный перелом**, на кризис коллективных идентичностей и растущее значение субъективных, уязвимых, тревожных эмоциональных состояний в культурной памяти.

Таким образом, цвет – и особенно красный – становится зеркалом перехода от империи эмоций к эпохе эмоционального истощения. Его трансформация – это не только эстетическое или политическое явление, но и культурный симптом, который указывает на глубокие изменения в коллективном переживании истории, власти и идентичности.

Открытым остается вопрос: возможно ли будущее реабилитации красного как позитивного символа? Или его судьба – оставаться тревожным следом памяти в ландшафте постсоветской культурной чувствительности?

Список источников

1. Пастуро М. Красный. История цвета / пер. с фр. Н. Соколова. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
2. Шведова Л. Е., Задерейчук Г. И. Визуальное искусство и политическая пропаганда советского периода // МедиаВектор. 2022. № 4. С. 122–126.
3. Голубева М. Главное в истории цвета. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. 224 с.
4. Griber Yu. A., Mylonas D., Paramei G. V. Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8, № 262. С. 1–19.

5. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М. : Corpus, 2020. 320 с.

6. Feeling Blue or Seeing Red? Similar Patterns of Emotion Associations With Colour Patches and Colour Terms / D. Jonauskaite, C. A. Parraga, C. Mohr [et al.] // i-Perception. 2020. Vol. 11 (1). P. 1–28.

References

1. Pastoreau M. Red: The History of Colour / translated from French by N. Sokolova. M. : NLO, 2016.

2. Shvedova L. E., Zadereichuk G. I. Visual Art and Political Propaganda of the Soviet Period // MediaVector. 2022. № 4. P. 122–126. (In Russ).

3. Golubeva M. The main of the History of Colour. M. : Mann, Ivanov i Ferber, 2023.

4. Griber Yu. A., Mylonas D., Paramei G. V. Intergenerational differences in Russian colour naming in the globalized era // Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8, № 262. P. 1–19.

5. Epple N. Uncomfortable Past: Memory of State Crimes in Russia and Other Countries. M. : Corpus, 2020.

6. Feeling Blue or Seeing Red? Similar Patterns of Emotion Associations With Colour Patches and Colour Terms / D. Jonauskaite, C. A. Parraga, C. Mohr [et al.] // i-Perception. 2020. Vol. 11 (1). P. 1–28.